

Россия в глобальной политике

Развилка-2008

№2 Март-Апрель 2008

В истории страны, как и в биографии человека, длительные периоды, когда шансов на изменение основных параметров существования ничтожно мало или нет вообще, чередуются с более короткими фазами, когда случайная комбинация обстоятельств позволяет сделать выбор, который определяет развитие на много лет вперед.

В России временем, когда от личностных и случайных факторов зависело очень много, стала «перестройка». Особенно изобилует альтернативами 1991-й – год избрания Бориса Ельцина президентом РСФСР (июнь), создания ГКЧП (август), несостоявшегося принятия Союзного договора (намечалось на 20 августа) и подписания Беловежских соглашений (декабрь). Шансов на возвращение советской власти и социализма, как и на быстрое формирование в России развитой демократии, в 1991-м практически не было. Но спектр возможностей оставался все равно громадный – от сохранения Союза в какой-то форме еще лет на десять до кровопролитной войны между советскими республиками по типу югославской, от почти демократического устройства с доминирующей партией до военной диктатуры. После вступления в силу Беловежских соглашений число возможностей резко сократилось. Вновь непредсказуемая и «богатая альтернативами» (хотя и менее масштабными) ситуация возникла только в 2008 году.

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Беловежские соглашения – рубежный момент в нашей истории, поскольку тогда в России зародилась современная политическая система «имитационной демократии». Эти соглашения завершают период неустойчивого российско-союзного ельцинско-горбачёвского двоевластия. К руководству страной окончательно приходит Борис Ельцин – лидер демократического антикоммунистического движения, ставший в 1991-м президентом России в составе СССР. Культурная и психологическая неготовность общества к иному устройству давала широкие возможности для превращения провозглашенной демократии в форму, прикрывающую реально авторитарное содержание. Но Беловежские соглашения, способ прихода Ельцина к руководству страной делали любой другой вариант развития не только маловероятным, но и практически исключали его.

Дело в том, что ликвидация Советского Союза была осуществлена Ельциным без какого-либо «народного мандата» (такой мандат в виде результатов плебисцита был только у украинского президента Леонида Кравчука). Более того, развал СССР прямо противоречил воле народа, выраженной в марте 1991 года на референдуме о судьбе единого государства. Это означало, что оппозиция получила право обвинять Бориса Ельцина и его соратников-демократов не только в неправильной политике, но и в разрушении страны, в национальном предательстве. Таким образом, для Ельцина сохранение власти (а если отказ от нее, то такой, когда президентский пост гарантированно передается назначенному им преемнику) и недопущение к руководству оппозиции становятся «категорическим императивом». Речь теперь идет не о стремлении Ельцина проводить свою политическую линию и даже не о наслаждении властью, а о сохранении свободы, если не самой жизни.

Ельцинская команда была не в состоянии отказаться от провозглашенных принципов демократии, но и следовать им она тоже не могла. Построение «имитационной демократии» «третьемировского» типа стало безальтернативным. И поскольку создание такой системы по определению означает постоянное нарушение демократических принципов, то есть совершение незаконных и антиконституционных актов, сойти с этого пути с каждым шагом все труднее.

Если, сделав очень большое усилие, еще можно представить себе ситуацию, когда после Беловежских соглашений Ельцин уступает власть не назначенному преемнику, а противнику, то после расстрела Верховного Совета РФ в октябре 1993-го вообразить такое уже совершенно

невозможно. У победителей нет пути назад – они могут идти только вперед, к дальнейшему закреплению власти. И в силу особенностей русского массового сознания путь этот легкий и удобный. Русское общество обладает очень слабой способностью к самоорганизации, для него характерен «страх свободы», и имитационно-демократическая система личной власти безальтернативного президента на этом этапе развития ему вполне подходит. Политическая эволюция оказывается подчинена жесткой логике, вытекающей из природы «имитационной» модели и допускающей лишь относительно небольшой диапазон вариантов. Отныне и от Ельцина, и от его преемника зависит уже не так много.

Подробное рассмотрение всех аспектов этой логики заняло бы очень много места, и я ограничусь здесь самым кратким их обо-значением.

РАСШИРЕНИЕ СФЕРЫ БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТИ

Необходимость поддержания безальтернативности президентской власти предполагает последовательное расширение сферы контроля политической жизни и пресечение угроз «на все более дальних подступах».

Установление такой системы означает прежде всего конфликт с другими ветвями власти и их подчинение, то есть фактическую ликвидацию разделения властей. Это происходит в 1993 году, когда Ельцин силой разогнал парламент (при очень слабом сопротивлении общества) и обеспечил принятие максимально удобной для его правления Конституции. Появление Конституции, ограничивающей права законодательного органа, – первый важный шаг. Но за ним, естественно, следуют другие. Даже слабый парламент, контролируемый оппозицией, опасен. Поэтому необходимо было взять под контроль весь избирательный процесс, чтобы он предсказуемо давал «правильные» результаты. А это предполагает, в свою очередь, подотчетность региональных и местных органов, которые должны гарантировать нужные итоги голосования. Контролируемой должна стать и партийная система, то есть допускается существование лишь фиктивной или слабой оппозиции, а затем создается своя, являющаяся тенью президентской власти партия, которой обеспечивается доминирование. Под контроль берутся СМИ, устанавливается фактическая подчиненность судов исполнительной власти. Приватизация используется для того, чтобы новые собственники были зависимы от президентской власти и заинтересованы в ее сохранении. Пресекаются попытки олигархов играть самостоятельную политическую роль.

Конечно, периоды правления Бориса Ельцина и Владимира Путина заметно отличаются по политическим и экономическим условиям, и временами эти различия носят весьма существенный характер. Но основные проблемы, возникавшие в ходе эволюции и укрепления системы безальтернативной власти, были решены Ельциным, и его преемнику осталось лишь достроить уже в целом сложившуюся модель. Задачи этого строительства логически вытекают одна из другой. И если бы Ельцин не был болен и не оказался перед выбором – скорая смерть на посту либо передача полномочий и продолжал бы править, ему пришлось бы самому решать вопросы, с которыми столкнулся Путин. Закономерность этих процессов подтверждается эволюцией других постсоветских стран, например Белоруссии или Казахстана. Везде возникали одни и те же проблемы, и решались они сходным образом и в схожей последовательности. Различия моделей постсоветского развития в значительной мере объясняются объективными факторами, в частности особенностями национальных культур либо разными ресурсами, а роль субъективного фактора невелика.

Ельцин и Путин – это очень разные люди, но они последовательно строили одну систему; у Лукашенко и Назарбаева мало общего, но белорусская и казахстанская модели довольно однотипны. Какие-то личные особенности первого и второго президентов России могли определять «стиль» решения объективно стоявших перед властью задач, но не сами задачи. Например, импульсивность и грубость Ельцина сыграли роль в выборе жестокой формы подавления сопротивления защитников Верховного Совета (1993). В ряде других стран СНГ, президенты которых тоже разгоняли парламенты, обошлось без кровопролития. Сами разгоны, впрочем, были неизбежны, поскольку к этому толкала логика политического развития.

Популярное у российских либералов противопоставление Ельцина и Путина, с моей точки зрения, основано просто на непонимании того, что различия ельцинской и путинской эпох – это прежде всего различия этапов развития системы (как ленинский и сталинский этапы в истории Советского государства) и лишь в минимальной степени связаны с их личными характеристиками.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЕГО РИТМ

В постсоветском социально-экономическом развитии закономерное, на мой взгляд, также значительно преобладает над случайным и личностным. Закономерной является форма приватизации – фактическая раздача крупной государственной собственности. Таким образом создавался слой собственников, непосредственно заинтересованных во власти и зависящих от нее. На следующем этапе закономерно использование властью квазизаконных методов контроля над собственниками – поощрение политически лояльных и разорение нелояльных. Закономерно и взятие под контроль наиболее доходных и ключевых отраслей экономики, ранее переданных в управление крупным собственникам.

Закономерна и цикличность нашего экономического развития. Переход от социализма к рыночной экономике не мог не сопровождаться обвалом производства и резким падением жизненного уровня. Это произошло во всех посткоммунистических государствах. И в каждом из них вслед за падением начинался рост. В его основе – адаптация индивидов и общества в целом к иным формам экономической жизни, формирование новых навыков и привычек. В России этот процесс был облегчен внешним и случайным по отношению к логике развития обстоятельством – наличием богатых запасов нефти и газа и резким ростом мировых цен на энергоносители.

Поэтому соотнесение разрухи начала 1990-х с Ельциным и последовавшего затем подъема – с Путиным так же неверно, как и противопоставление «демократа» Ельцина и авторитарного «кагэбэшника» Путина. Если бы Ельцин жил и здравствовал или если бы он выбрал себе в преемники не Путина, а, скажем, почти забытого ныне Николая Аксёненко, рост экономики начался бы и при нем. А народ либо удивлялся бы мудрости Ельцина, под руководством которого страна преодолела трудности, либо противопоставлял бы порочному курсу Ельцина мудрую политику Аксёненко.

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Еще один из мифов российского сознания, связанных с персонификацией закономерных этапов развития – это убеждение, что при Ельцине Россия была унижена, а Путин «поднял ее с колен».

Различий в отношениях между Россией и Западом при Ельцине и Путине значительно меньше, чем зачастую представляется, но они, несомненно, есть. При Путине Россия стала активнее и чаще противостоять Западу по самым разным вопросам и в разных регионах, но в основном на постсоветском пространстве, где идет даже что-то вроде локальной холодной войны. Однако эти перемены лишь в минимальной степени связаны с личностями первого российского президента и его преемника.

Провозглашение в 1991 году новой независимой, демократической и рыночной России не могло не вызвать эйфорию в российско-западных отношениях. Этот тезис не нуждается в доказательствах. Но последующая эволюция Российского государства не могла не сопровождаться ухудшением отношений с Западом и возвращением элементов холодной войны. Дело в том, что по мере развития наш строй все меньше соответствовал западным образцам. Если вначале различия между Россией и Западом могли восприниматься как следствие «неразвитости» российского общества, которое постепенно будет приближаться к западной модели, то затем стало очевидно, что дело не в «неразвитости», а в ином направлении эволюции политической системы. Этот курс, по сути, не может вызывать восторг развитых демократий и исключает возможность полноценной интеграции в западные структуры. В свою очередь Россия, будучи, естественно, недовольна своими низкими оценками в различных западных рейтингах и «наставлениями» США и Европы, не в состоянии изменить свое естественное развитие в угоду им.

В такой ситуации конфликтность отношений не может не возражать и стремление России «встать с колен» и противостоять Западу естественно. Если к этому добавить российскую склонность к великодержавности и активной геополитической роли, наличие унаследованных от СССР «статусных признаков» великой державы (обладание ядерным оружием, постоянное членство в Совете Безопасности ООН), ослабление по мере преодоления «трансформационного» кризиса и роста мировых цен на энергоносители финансовой зависимости от Запада и появление у России колоссальных денежных средств, то мы поймем, что роль личности Путина в изменении внешнеполитического курса не так уж велика.

Столь же закономерно, как строительство «имитационной демократии» после 1991-го или подъем экономики после спада в переходный период, вслед за эйфорией в российско-западных отношениях должна была возродиться (в смягченном и «деидеологизированном» варианте) холодная война. Внешняя политика оказалась подвержена общим закономерностям постсоветских преобразований.

На мой взгляд, из вышесказанного ясно, что в 1991 году возник «зародыш» теперешней России. Но внутренняя логика развития страны была нарушена в 2008-м решением Владимира Путина уйти в отставку по истечении второго президентского срока, как того требует Конституция, и стать премьером при назначенном им себе в преемники Дмитрии Медведеве.

ДИНАСТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Если в системах «реальной» демократии Конституция стабильна, а власть постоянно переходит от одних лиц и партий к другим, то в «имитационных демократиях» неизменна именно власть определенного лица (либо квазидинастии, каждый из представителей которой выбирает себе преемника), а Основной закон страны может меняться по конъюнктурным соображениям. Здесь нет постоянных правил игры, при которых могут быть разные победители, а есть «постоянный победитель», способный менять правила игры. Такие президенты постсоветских государств, как Нурсултан Назарбаев, Ислам Каримов, Эмомали Рахмон, Александр Лукашенко, Аскар Акаев, многократно меняли Конституции или «латали» старые. Принимаемые поправки всегда направлены в сторону усиления власти главы государства, снятия ограничений на пребывание одного лица на посту и т. д. Например, в период правления Назарбаева в Казахстане сменились три Конституции, более 10 раз принимались поправки к ним. И тем не менее Основной закон постоянно нарушался.

Ельцин правил при двух Конституциях. Вторую он создал сам, сделав ее максимально удобной для себя. Основной закон позволял «ползуче» менять систему управления страной, формально не вступая с ним в противоречие. Тем не менее эта Конституция ограничивала правление одного лица двумя сроками президентства (когда она принималась, финиш этих двух сроков казался чем-то очень далеким). Большой Ельцин не стал добиваться изменения этого пункта и ушел на пенсию, даже не дотянув до конца второго срока. Путин молод, энергичен и очень популярен. Степень его контроля над обществом значительно выше, чем у Ельцина. Внесение конституционных изменений, дающих возможность остаться в президентском кресле, не представляло для него труда. Однако он принимает совершенно нестандартное и, несомненно, идущее вразрез с желаниями и бюрократии, и народа решение соблюдать конституционную норму и уйти с поста. Это – первый не только в постсоветской, но и во всей российской истории случай добровольного отказа правителя от власти.

Говорить о мотивах данного поступка бессмысленно: чужая душа – потемки. Для нас важнее не мотивы, а следствия этого исторического решения.

Прежде всего это значительный шаг на пути «модернизации» российского сознания, сформированного веками самодержавия, для которого «бывших царей» не бывает. Это – «десакрализация» и «деперсонализация» верховной власти. Это – важный прецедент подчинения правителя Конституции – «клочку бумаги», поднимающий реальное значение закона и права в целом и делающий практически невозможным для следующих президентов продление своего правления за пределы двух сроков. Ограничение во времени власти главы государства – принципиально новое явление, никогда не имевшее место в российской истории. Кроме того,

отныне власть действующего президента ограничена наличием здорового и жизнедеятельного предшественника, который унесет с собой часть «священного трепета», который он возбуждал в народе, находясь у руля власти. Решение Путина уводит Россию с типичного пути «имитационных демократий» вроде казахстанской либо белорусской.

Система становится менее определенной, менее устойчивой, в ней возникает неполнота власти и даже появляется что-то вроде реального разделения властей. Эта неустойчивость только усугубляется намерением Путина стать премьером при президенте Медведеве – скорее всего, для того, чтобы помочь тому на первых порах, но фактически ослабляющим «единоначалие» и создающим нечто вроде «двоевластия».

Впервые с 1991 года в России возникает ситуация «развилки», возможности выбора между разными вариантами развития. Что же это за варианты?

ДВА ПУТИ

«Имитационные демократии» внутренне противоречивы (форма в них принципиально не соответствует содержанию) и поэтому не слишком устойчивы и долговечны. Чем более формальны и предсказуемы выборы, тем менее легитимным становится правление (ибо легитимация такого режима в конечном счете – демократическая), а ужесточение контроля над обществом ослабляет «обратные связи» власти и граждан. Конец такого режима раньше или позже, в той или иной форме и с теми или иными последствиями неизбежен. В этом отношении альтернатив нет, и, я думаю, мало кто может себе представить, что цепочка президентов, передающих друг другу власть, не прервется в России весь XXI век. Однако же, если конец подобных режимов неизбежен, есть очень важные альтернативы, связанные с формой, сроками и последствиями этого краха.

Как видно из постсоветского опыта, более «либеральные» имитационные режимы, контроль в которых над обществом относительно слабый, менее долговечны, чем более жесткие, полностью подавившие легальную оппозицию. Режим Кучмы был менее устойчив, чем режим Лукашенко, и он пал, а лукашенковский процветает. Пал режим акаевский, но живет и здравствует каримовский. Из этого легко сделать заключение: если хочешь стабильности правления, будь жестче. Но такой вывод, к которому, похоже, пришли после «цветных» революций большинство постсоветских президентов, верен только отчасти. Подобная стабилизация сопряжена с большими рисками.

Падения имитационных режимов в результате приуроченных к выборам «цветных» революций имели мирный характер. Оппозиция при «мягких» режимах была легальной организованной силой, способной контролировать народные массы и вступать в переговоры. Стороны политического процесса признавали Конституцию, обвинения в адрес власти в подтасовке результатов выборов относительно легко проверить и даже исправить. Элемент стихийности и насильственности в таких революциях минимален.

В режимах типа узбекского, а сейчас уже и казахстанского, такой вариант развития представляется нереальным. Легальной оппозиции практически нет, выборы полностью ритуализованы, и с ними не связываются никакие надежды. Это продлевает жизнь системе правления, но делает ее падение более «катастрофическим». В СНГ мы видели пока что только один прообраз революций в странах с жесткими режимами – андижанские события в Узбекистане, неожиданный стихийный взрыв народных масс, самоорганизующихся в ходе выступления и выдвигающих радикальные лозунги. Но вне СНГ мы наблюдали массу примеров «жесткого» крушения «жестких» режимов (различие в формах падения более жесткого и более мягкого режимов отлично видно на примере свержения Анастасио Сомосы в Никарагуа, с одной стороны, и демонтажа власти Институционно-революционной партии в Мексике – с другой).

Значительно более важная альтернатива связана не с формой и сроками крушения режима, а с его последствиями. Есть два варианта: или с концом имитации страна переходит к реальной демократии, или же после некоторого периода анархии в ней устанавливается новый вариант такого же имитационного режима (как это было, например, в Индонезии при падении режима

Сукарно и становлении правления Сухарто либо как это, очевидно, сейчас происходит в Киргизии). От чего зависят эти разные следствия конца «имитационных демократий»?

Возможностей перехода к реальной демократии, естественно, тем больше, чем лучше общество усвоило демократические ценности. Движение к демократии – аспект общего процесса развития, «модернизации», и ясно, например, что, несмотря на тоталитарный характер коммунистического правления, народы советских республик были в 1991-м культурно, социально, психологически значительно ближе к демократии, чем в 1917 году. Усвоение демократических норм происходит и при постсоветских имитационных режимах. Любой имитационный режим апеллирует к демократическим ценностям и тем самым в какой-то степени способствует их закреплению. Нет сомнения, например, что современная Россия, обретшая опыт рыночной экономики, идейного плюрализма и – несмотря на контроль и ограничения со стороны властей – все же реальной политической борьбы, в большей степени готова к демократии, чем Россия-1991, за плечами которой был лишь опыт советской власти и самодержавия. Но чем «либеральнее» имитационный режим, чем больше он апеллирует к праву и оставляет пространство свободы, тем больше он способствует приобретению демократических навыков и привычек и, следовательно, тому, что его конец будет означать не погружение в анархию, из которой страну выводит новый авторитаризм, а переход к реальной и стабильной демократии.

В этом плане надо рассматривать и альтернативы, возникшие в результате путинского решения. Если бы все развивалось и дальше так, как это было до 2008-го, неизбежный конец теперешней системы (разрыв цепочки президентов, передающих друг другу власть) имел бы катастрофический характер. Решение Владимира Путина соблюсти Конституцию, которое, очевидно, будет подкреплено уже обозначившейся «правовой» ориентацией его преемника, не означает, разумеется, что следующая наша попытка перехода к демократии будет беспроблемной. Первый случай прихода к власти не того, кто назначен в преемники, – это все равно стресс. Но такое решение способствует минимизации последствий неизбежного кризиса и тому, что он может стать последним перед окончательным утверждением демократии в России.

Нестабильная ситуация, созданная решением Путина, может, конечно, иметь и иные последствия. Речь идет, скажем, о дальнейшем закреплении правовых аспектов системы, ее удалении от «магистрального» направления развития имитационных систем, но не исключена и «персоналистская реакция». Открывшаяся возможность более мягкого развития – это только возможность. Реализуется она или нет, будет зависеть от дальнейших действий и Медведева, и Путина, и многих других лиц.